

Общество и государство после «идеального шторма»

Ряд известных российских социологов и социальных психологов представили свой взгляд на тему «Потери и приобретения в кризис. Запрос общества на новую социальную среду» (конференция, организованная Центром социального проектирования «Платформа»). Спикеры – Симон Кордонский, Тимофей Нестик, Алексей Фирсов, Илья Штейнберг – обсудили, насколько сегодня можно говорить о доверии власти, институтам, информации как о реальном факторе, сплачивающем общество? Насколько доверие к институтам связано с поведенческими практиками? Что произошло с людьми за период после введения карантина, изменились ли они?

И.о. заведующего лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН Тимофей НЕСТИК:

«РЕСУРС ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА В УМЕНИИ ДОГОВАРИВАТЬСЯ»

Что будет после страха, психологическое воздействие которого на людей быстро падает? Отвечая на этот вопрос, психолог Тимофей Нестик говорит об опасности разрушения общественного договора и видит выход в переходе к позитивной мотивации, позволяющей прийти к взаимопониманию внутри общества.

Пик страха пройден. Данные ВЦИОМа показывают, что уровень страха постепенно снижается. Одновременно растет число людей, считающих, что этой угрозой мы не можем управлять. О чем это может говорить? Давайте разберемся со страхом. Страх – это оценка риска. Если говорить не о переживаниях, а о представлениях уровня угрозы, то эта характеристика зависит от целого ряда эффектов, которые мы сейчас наблюдаем.

О риске говорят в основном языком чисел, то есть абстрактных пиков и спадов. Но мы всегда недооцениваем риски, о которых говорят на таком абстрактном языке. Мы вообще склонны отдалять от себя риски во временном, пространственном и вероятностном измерении. Всем нам свойственен эволюционно выработанный оптимизм – мы верим, что эту шальную пулю пронесет мимо нас. Чтобы успокоить себя, мы новые, неопределенные угрозы связываем с чем-то уже известным, особенно в случае отсутствия в личном опыте аналогичных событий. И вот мы сравниваем новый вирус с сезонными заболеваниями типа гриппа. Конечно, мы можем сильно заблуждаться, но зато тем самым делаем угрозу для себя немного понятней.

Интересно, что падение страха ведет к росту недоверия к государству и СМИ. Отчасти это связано с тем, что запугивание, когда оно совмещается с чувством беспомощности, приводит к обратным результатам. Власть надеется, что вот она еще немного припугнет, и мы станем намного более послушными. Но в действительности все иначе. Если мы чувствуем, что никак не повлияем на безопасность свою и близких, это автоматически приводит к недооценке объема последствий и к тому, что можно назвать депроблематизацией. Связь между верой в неуправляемость угрозы и низким доверием к государству, а также к официальной информации очень важна для понимания того, что будет происходить дальше.

Но если страх уходит, что же влияет на состояние общества вместо него? После психологического принятия сложившегося положения сильнее всего влияет представление о том, как будет вести себя большинство. Можно выделить еще один фактор влияния – сопереживание другим людям, которое повышает готовность заглядывать в будущее. Примеряя на себя точку зрения других людей, нам легче обсуждать наши перспективы, по крайней мере, с точки зрения экономических последствий. И в этом смысле ставка на сопереживание, на убеждение людей в том, что мы все-таки можем уберечь друг друга, более продуктивна, чем нагнетание страха.

Сила воздействия разных факторов очень зависит от конкретных социальных групп. По возрастным группам получается следующая картина. До 45 лет одним из факторов, влияющих на соблюдение санитарно-эпидемиологических норм, является сопереживание другим людям, которых мы не хотим заразить и поставить в сложное положение. А после 45 лет сопереживание уже не влияет на соблюдение ограничений, более значимым оказывается недоверие к другим в том, что те по своей воле будут соблюдать правила предосторожности. Если на большинство нельзя положиться в том, что они будут соблюдать санитарно-эпидемиологические нормы, то мы должны позаботиться о себе сами. Вместе с тем только возраст нельзя считать решающим фактором.

В реальности социальные типы не сводятся ни к возрастным группам, ни к местным сообществам. Да, конечно, если большинство соблюдает правила, а мы нет, то человек будет чувствовать себя некомфортно, входя в магазин без маски и встречая осуждающие взгляды. Но мы ведь сравниваем себя не только с окружающими людьми в магазине, но и с нашими знакомыми в социальных сетях, которые живут в разных городах, где могут быть другие подходы к регулированию этой ситуации. Так что основания для выбора референтной группы у каждого человека свои. Так можно ли при таких различиях вывести общие следствия из того, что сейчас происходит? Да, можно.

Дело в том, что такого рода угрозы обнажают крах общественного договора. На деле он был замечен уже и раньше, что видно и по российским, и по международным исследованиям. Парадокс пандемии в том, что, с одной стороны, эпидемиологические угрозы сплачивают людей. С другой – обостряют проблемы взаимодействия с государством: что мы ему должны, и что оно должно нам. В условиях кризиса возрастают упования на государство и прочие институты общества, но при дальнейшем нагнетании страха и усилении неопределенности, когда эти упования становятся все более иллюзорными, лояльность к власти больше не гарантирует защиты. При этом возникает эффект

завышенных ожиданий, когда и гражданам, и чиновникам кажется, что в условиях кризиса другая сторона должна пойти на встречу. Но солидарность, основанная на страхе, быстро разваливается.

Можно ли перейти к более эффективным мерам? И наши, и зарубежные исследования показывают, что обращение к заботе о близких нам людях оказывается более эффективным инструментом побуждения к соблюдению эпидемиологических правил, чем запугивание или принуждение с помощью полицейских мер. Но это знание мало чем нам поможет, потому что на деле мы вряд ли способны заставить власть что-либо сделать вопреки ее собственным интересам. К тому же «власть» – это слишком собирательный образ. В реальности это разные люди с очень разными интересами. Тем не менее, экспертное мнение психологов-практиков в один голос говорит, что нужно отказаться от нагнетания тревоги в СМИ. Травматизирующий эффект от этого гораздо выше, чем полезные следствия. Как можно было бы добиться более обнадеживающих результатов?

Нужны позитивные стимулы, которые подталкивали бы людей к соблюдению правил. Давно уже звучат советы публично увязать заботу о здоровье своем и окружающих – с официальными выплатами. Например, увязать прохождение тестирования на наличие антител – с поддержкой, которую власть оказывает адресно. Ресурс жизнеспособности нашего общества состоит в том, чтобы научиться договариваться друг с другом в трудной ситуации. Вот на что мы, психологи, надеемся, рассматривая разные сценарии развития событий.

Полевой исследователь и методолог Илья ШТЕЙНБЕРГ:

«ПРИДЕТСЯ ПРИВЫКАТЬ К НОВОМУ СТАТУСУ И НОВОМУ МИРУ»

Особенность текущей ситуации в том, что переизбыток информации приводит к дефициту достоверного знания, говорит Илья Штейнберг. Оставшись лицом к лицу с экстремальной ситуацией,

люди последовательно проходят несколько стадий адаптации к ней, но не у всех она проходит одинаково успешно.

Падение доверия было ожидаемо, потому что в экстремальной ситуации критерии доверия и недоверия становятся жестче. Они определяются через ожидание определенных действий в неопределенной ситуации. А сейчас для многих сложилась ситуация настолько экстремальная, что утрата доверия – нормальная реакция на ненормальные обстоятельства. В итоге все надежды, тревоги и ожидания сосредоточились на своем ближнем круге.

Уровень доверия прямо зависит от того, насколько люди верят в то, что им говорят. Проблема в том, что у нас есть информация, но нет знания, потому что эта информация слишком разноречива. Все, что мы имеем – только мнение, которое можно определить как недостаточное знание. Даже когда мы, профессионалы, пытаемся вникнуть в имеющиеся описания ситуаций, например, по уровню смертности, мы остаемся в недоумении. Как считать смертность, в конце концов? Весь мир считает по методике ВОЗ – фиксируя «смерть с вирусом», а в России – «смерть от вируса», отсекая все сопутствующие заболевания и фиксируя только вирус как непосредственную причину летального исхода. Если ситуацию в Нью-Йорке пересчитать на ситуацию в Москве, то у них смертность завышена в 15 раз. В результате даже у профессионалов представление о том, что действительно происходит, оказывается достаточно неопределенным, и понятно, что «доверию» здесь просто нет места.

Люди находятся на разных стадиях переживания ситуации и, соответственно, ожиданий от нее. На ранней стадии человек говорит: «Я хочу, чтобы все было как прежде. Я не верю, будто все радикально изменится». Ухудшение психологического состояния на этой стадии прямо связано с затягиванием перспективы возвращения к прежнему положению дел. Но, по мере того, как перспективы становятся все туманней, у людей возникают новые идеи, связанные уже с адаптацией к изменившейся ситуации. Мы понимаем, что как раньше уже не

будет, и что можно попытаться и в новой реальности увидеть какие-то возможности.

Нашу текущую ситуацию часто сравнивают с девяностыми. Когда люди остались без работы и поддержки, когда источники существования оскудели, и нужно было рассчитывать только на себя. Когда многие начали делать то, чего от себя не ожидали. Учителя, завлабы, инженеры начали торговать, открывать бизнесы, нарушать законы и рисковать жизнью, поняв наконец, что они все могут пережить и что, пока ты жив, ничего не потеряно. Но сами же респонденты указывают несколько коренных отличий. Тогда было мало поддержки, но зато много свободы. А сейчас – мало свободы и вместо поддержки декларативная «забота» государства о гражданах. Если же и поддержка, то далеко не всем. Другое отличие – тогда произошел прорыв плотины не востребуемых компетенций, шла конвертация знаний и умений в какие-то новые скилы и компетенции. Но сейчас остро стоит вопрос, много ли вообще людей обладают такими компетенциями, которые можно во что-нибудь конвертировать.

Самая сильная метафора, с которой я столкнулся, была от представителя бизнеса. Представьте, говорил он, мы летим самолетом, в котором есть бизнес-класс и эконом-класс. Но наш самолет уже прошел точку невозврата и летит в неизвестность. Конечно, в бизнес-классе сидеть комфортней, как и вообще здоровому и богатому человеку легче переносить опасности, чем бедному и больному. Но самолет-то у нас один, и на траекторию его полета ни богатство, ни знаменитость уже никак не влияют.

Казалось бы, тревожность и депрессивность должны «плющить» всех одинаково. Но все же есть категория людей, которой именно в карантине жить хорошо. Сошлюсь на неврологическую метафору. Симпатическая и парасимпатическая системы у нас – это как газ и тормоз. Симпатическая при сильных стимулах превращает нас в боевую машину. А парасимпатическая переводит в релаксирующее состояние. В первые дни изоляции у людей с деятельностной ориентацией возникает масса идей: записаться на все вебинары, много чего еще сделать полезного. Но потом из-за

перенапряжения парасимпатической системы наступает спад. Больше всего страдают от него, условно говоря, «борцы». Не с кем драться, морды у ковида нет, чтобы ее набить. Наступает депрессивное состояние. А вот те, кто привычно замирают по жизни, кайфуют, потому что с них снято вечное чувство вины за «не сопротивление» трудностям и отказ от поиска лучшей доли. Все одинаково замерли в изоляции – ну и мы должны сидеть. В этой ситуации им реально комфортно.

Но люди, сами делающие свою биографию, демонстрируют удивительные способы превращения обстоятельств в возможности. Среди них много предпринимателей, которые рассуждают примерно так. Да, обстоятельства изменились, но я-то нет, и моя ценность как человека не изменилась. Пусть многие планы и надежды я похоронил, но это уже не первая зима. Люди с такой позицией в конце концов выбираются из депрессивного состояния и становятся даже более успешными. Больше всего это похоже на работу горя: отрицание утраты – ее оплакивание и организация поддержки окружения – формирование нового отношения к потере и продолжение жизни. Так вот на начальной, депрессивной стадии как раз и падает доверие к институтам и окружающим. Но затем наступает стадия адаптации – нужно решать кучу новых проблем в изменившихся условиях. Приходится привыкать к новому статусу и к новому миру. Главное – быть здоровым. Потому что пока мы живы, ничего не потеряно.

В отношении власти тоже начинается процесс осмысления и взаимного приспособления. Первое время происходит дистанцирование от власти и попытка изолироваться от нее: «государство нам вообще не нужно, оно только мешает жить». Вообще, исторически у нас сложилось так, что образ лучшего правления – когда вы (то есть власть) сами живете и нам даете жить. Просто не лезьте особенно в наши дела. А когда эта условная договоренность нарушается, действия власти опознаются как противоречащие здравому смыслу. Хорошая новость состоит в том, что ведь и эта ситуация исторически нам достаточно привычна. За этим стоит история нашего народа, и она

подсказывает, как нам действовать – подсказывает не только народу, но и власти. Так что ресурсы для адаптации к новой ситуации у нас на самом деле очень большие.

Завкафедрой местного самоуправления НИУ ВШЭ Симон КОРДОНСКИЙ:

«ЭТО НЕ ПОЛИТИЗАЦИЯ, А КАРНАВАЛЬНЫЙ БУНТ»

В своем выступлении на онлайн-конференции известный социолог Симон Кордонский рассказал о возможности нарастания конфликта между управляющими структурами государства и населением. Для смягчения этих тенденций необходимо заранее понять, в какие формы могут вылиться протестные установки и как может измениться «сословная» структура нашего общества в наиболее вероятных сценариях развития событий.

«Доверие» – это только формальная реакция на вопрос «Доверяете ли вы?». Что бы нам ни писали в анкетах, когда начинается содержательный разговор, особенного доверия к власти не прослеживается. Во всяком случае, с ним тесно соседствует подозрение, что в каких-то инстанциях людьми пробуют манипулировать и что в личной и хозяйственной жизни на эти «инстанции» положиться нельзя, а значит, нужно самим решать свои проблемы. Вполне ожидаемое следствие состоит вот в чем: как поступать в ситуации пандемии, каждый решает сам.

Что произошло после первоначального испуга? Исходный страх возник из-за того, что никто не понимал степени опасности. Часть граждан решила пассивно переждать ситуацию и самоизолироваться. Об этой части граждан ниже – она очень важна. А другая часть не самоизолировалась, но продолжала работать. Я периодически делаю в интернете запросы на услуги, и вот что интересно. Увеличился объем парикмахерских услуг – масса людей готова приехать к мастеру на дом. Куча заведений предлагают поесть – и не на вынос, а через заднюю дверь. Что я хочу сказать? Существенная часть коммунально-бытовой

инфраструктуры работает. Похоже, власть знает об этом, но от нее откупаются. Это совсем не рыночные отношения. И нет оснований думать, что они исчезнут с отменой карантина. Но на что могут повлиять эти и подобные изменения?

В «сословной» структуре общества вряд ли произойдут серьезные изменения. Одно можно сказать, что за это время более четко проявились новые критерии сословности. По факту жители провинции и жители столицы – сегодня уже разные сословия. Об этом ясно и точно написал Борис Борисович Родман. Одним из индикаторов «сословного» статуса является само количество больных в регионе. Поэтому провинция вынуждена, выстраивая отношения с центром, подгонять процент заболевших к уровню, который задается Москвой, что прямо влияет на публичную ситуацию в смысле ее восприятия населением.

Вот медиков, скажем, могли бы выделить как героев в новое «сословие». Но они слишком раздроблены. С одной стороны, врачи – это бюджетники. Но в ходе оптимизации возник институт врачебной помощи по объявлениям в сети. Наберите в поисковой строке «врач на дом», и увидите множество объявлений: «такой-то врач готов оказать услугу за определенную сумму», обязуясь провести больного официально через врачебную иерархию той клиники, где он официально работает. То есть, с одной стороны, у них самосознание бюджетников, так что государство должно им что-то, а с другой – у них возник статус самозанятых. Кроме того, в российской армии – своя врачебная структура, в каждой силовой структуре – своя. Так что говорить о едином сословии врачей не приходится. Корпорация разобщена, и не видно, чтобы она как-то интегрировалась.

Нужно вводить настоящие различия социальных ролей. Не говорить про общество, народ и прочее, а видеть реальные социальные роли. Одна из них – «подданный» и вторая роль – «гражданин». Государство считает, что мы подданные. Оно о нас заботится в мере своего понимания. В том числе, вводя ограничения, чтобы мы не заболели и не вымерли. А граждане – те же самые мы, которые ждут демократии и светлого будущего.

Эти роли у нас совмещены. Но доминирует роль подданного, поскольку мы ждем компенсации и освобождения. Государство в принципе не может отказаться от роли суверена, а проявления гражданственности считает инфантилизмом. Нельзя в системе, где подданные, вести себя как граждане.

«Самоизолирование» особенно озлило служилую и творческую интеллигенцию. Многие уже понимают, что их формы автономного существования исчезают. Репетиторы, творческие деятели, журналисты вряд ли смогут зарабатывать так, как они делали это до сих пор. Но что им делать? За эти месяцы накопились усталость и раздражение. Люди начали подозревать, что на их страхах кто-то зарабатывает. Все это, возможно, выльется в какую-то форму квазиполитического поведения. Демонстративные шествия без масок, скандалы на улицах – это тоже формы протеста, но не политизация населения, а карнавальный бунт.

Положение, которое сейчас объявлено, сомнительно в контексте действующей конституции. В поисках объяснений случившегося многие рассуждают следующим образом. Нужно было ввести чрезвычайное положение. А его не ввели. Почему? Потому что в этом случае во главе ставится назначаемый комендант. Но что тогда станет с московской собственностью по выходе из ЧС? И вот был принят компромиссный вариант: реализовать меры, положенные при ЧС, силами местных властей. На первой стадии пожелания мэра Москвы реализовывались подразделениями МВД. И мы получили очереди в московском метро. Так что, по некоторым данным, у Собянина сократили функцию по распоряжению полицейскими силами. В итоге он оказался в незавидной ситуации. Мэрия реализует особое положение сугубо гражданскими методами. А полицейские, я имею в виду низший персонал, оказались в роли пострадавших обывателей. Они ведь живут не на жалование, а на статусную ренту. И вот, представьте, прикрыли все заведения, с которых они эту ренту брали. Конечно, вся эта ситуация им совсем не интересна. И что в итоге?

В итоге у власти может не оказаться ресурсов для сдерживания «бунтующих». В этой версии выходит, что роль контролеров в

Москве поручена киргизским дворникам. Если так, вполне предсказуемо, какая будет реакция населения. Это продолжение все той же социальной карнавализации. В этом случае у мэра Собянина и тех, кто следует ему, нет никакого мобилизационного ресурса. Поэтому протест, в какой бы форме он ни пошел, остановить будет некому.

Но в то же самое время, когда нарастает конфликт с административными структурами, возникают идеи по поводу адаптации. Скажем, по мере того, как ужесточаются требования, люди начинают отступать за черту поселений, например, строить за административной чертой поселений дома с работными избами. Жилье – и тут же работная изба, как это было в XIX веке. Так что часть участников экономики перемещается за административные пределы своих городов и сел. Пока нет спроса (так как заказчики сидят в изоляции), все это сказывается на экономической жизни не так заметно. Но как только режим станет немножко мягче, все эти новшества заживут своей жизнью. Какими станут новые формы хозяйственных отношений с государством – это зависит от того, освободятся ли они взрывным образом или пластично.

Пока действия властей порождают в народе только саркастичные комментарии и мемы. Посмотрите, практически властям регионов сейчас позволено введение любых мер. И по всем регионам идет самопальная активность, так что региональные чиновники самостоятельно изобретают ограничения. Но эта ситуация чревата, поскольку недоверие в результате только увеличивается. Все данные, приходящие из регионов, показывают, что авторитет власти снижается. Каждый день появляются иронические мемы, например, в сети проскочил такой: «путинский литр». Знаете, что это? Разлив спиртного в бутылки идет по 0,95 или по 0,47. Представляете действие такого мема среди населения?

Не понятно, во что эта психология выльется поведенчески. Процесс осмысления ситуации происходит повсюду. Он гораздо интереснее, чем знакомые нам психологические аспекты,

связанные с переживанием людьми своей брошенности и замкнутости. Главное, в какой форме произойдет выход людей на улицы. Для меня это совершенно не предсказуемо. Я не знаю, чем закончится водевиль в Москве. Власть играет в то, что она есть, а люди играют в то, что они от власти не зависимы. Безусловно, люди будут жить в любой ситуации. Ничего особенно страшного – не случится. Но их отношения с государством, возможно, будут строиться на других основаниях.

Основатель ЦСП «Платформа» Алексей ФИРСОВ:

«ВОЗРОС ОБЪЕМ ИЗДЕРЖЕК, КРУТО ИЗМЕНИЛИСЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВОЗНИК СИНДРОМ «ВОЗВРАЩЕНИЯ С ВОЙНЫ»

Еще в апреле была пройдена «точка невозврата», когда лучшим сценарием для общества считалось простое воспроизводство докризисного мира. По мере драматизации момента произошли серьезные сдвиги – появился запрос на серьезное обновление и социальной, и экономической среды. Слишком высок стал объем издержек, круто изменились обстоятельства. Возник синдром «возвращения с войны», когда общество ждет компенсации за период острого стресса.

Условная «война» может вести к консолидации общества или к появлению разрывов. Скорее, сработал второй вариант. Мы видим, что за период кризиса уровень доверия к институтам снижался; по последним данным, менее 20% респондентов доверяют официальным источникам информации. Наибольшим доверием стали пользоваться врачи, низовой персонал. Произошла их героизация – кстати, тоже не самый оптимальный вариант, поскольку понятие «героя» связано с понятием «жертвы», создает избыточное эмоциональное напряжение.

Московский опыт учит, что ставка на страх и на жесткие методы регулирования не сработала. Запугивание дает очень короткий эффект, затем сознание начинает вырабатывать механизмы защиты.

А вот наладить реальную коммуникацию, вступить в диалог с населением получалось далеко не всегда. Многие решения оказывались непонятными, были лишены для людей рационального обоснования (хотя по факту оно могло и быть). В итоге сложилась ситуация, когда низовые структуры становятся все более автономными, начинают организовывать свой собственный, параллельный мир, обходить ограничения. Чем больше запретов, тем тоньше изобретательность. Власть как бы оказывается в комнате, состоящей из зеркал, и видит в них только свое отражение.

Какие черты нового мира проступают в появившемся запросе?

Ожидания, что людям – и населению, и бизнесу дадут отдышаться. Нет ощущения, что усилился интерес к «сильной руке», авторитарным практикам. Наоборот, тренд в сторону уменьшения присутствия государства. И на уровне «телесных практик» (привычек потребления), и на уровне городской среды, и на уровне регулирования деловой сферы люди ждут, что им предоставят возможность большей автономии, государство не будет оставаться в позиции центра сверхкомпетенции, заранее зная, что нужно поданным. Сейчас государство разрабатывает программу восстановления экономики. Не думаю, что она эффективно сработает без изменений в других сферах жизни, в создании другого типа отношений между обществом и властью.